

АВТОР «ЛЕГЕНДЫ О МАСТЕРЕ ТЫЧКЕ»

Панькин Иван Федорович. Русский писатель. Годы жизни: 1921–1998. Писатель, редактор. Член Союза писателей СССР с 1958 года. Автор «Легенды о мастере Тычке». Почетный гражданин города Тулы. Из крестьян. Работал юнгой, в цирке, служил матросом. Участник и инвалид Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной Звезды, боевыми медалями.

С Иваном Федоровичем Панькиным я вместе состоял в тульском писательском цехе. И, конечно, самые яркие впечатления об этом талантливом

литераторе у меня сложились непосредственно от встреч с ним в писательской среде.

Сразу скажу: Панькин – это единичное, знаковое явление в нашей среде. Сочетание природного таланта, сиротского детства, в котором им был накоплен огромный жизненный опыт, и национальные этнические черты мордвина дали тот великолепный сплав, из которого рождались произведения этого самородка.

Впрочем, когда говорили, что Панькин – мордвин, он возражал. «Я – эрзя, – детализировал он разновидность своей национальности. – Это особый народ: крепкий, талантливый, самобытный».

Так в его жизни и выходило. Эрзя Иван Федорович Панькин стал развивать редкостный, особый сказовый жанр. Так появились сказки и легенды Таласской долины («Серебряный голос»), «Легенды о матерях», матросские легенды и сказы («След на море») и другие.

Но главным достижением этого писателя я считаю создание легенд и сказов о тульских мастерах. Герой его «Легенды о мастере Тычке», наряду с лесковским Левшой, стал литературным героем Тулы. Очень тепло, искренне, проникновенно и профессионально написал о Панькине поэт, руководитель Тульской писательской организации В. Ф. Пахомов в статье «Алмазная грань», вышедшей к 70-летию

со дня рождения писателя в журнале «Ясная Поляна» (1991, № 4):

«Прозаик Иван Панькин пишет трудно и медленно, словно постоянно выпадая из временного потока. Третью жизнь отдал он «Легендам о мастере Тычке» — книге сравнительно небольшого объема, какие у иного выпекаются чуть ли не ежегодно. Что говорить, конвейерный способ писания — не его способ. Но знаю, старательский лоток его не бездействует, не заброшен за ненадобностью.

В работе новая книга, роман «Свеча на встречу», вобравший в себя повесть «Начало одной жизни», продолжаются «Легенды о матерях», на подходе «Легенды о русском солдате». И подмывает приличествующе отметить, что семидесятилетие свое автор встречает, так сказать, расцветом творческих сил, в озарении новых замыслов и планов, признать само собой разумеющимся, более чем справедливым акт выдвижения его два года подряд на соискание Государственной премии. Естественным следствием признания является включение «Легенд о матерях» в список рекомендуемой литературы для внеклассного чтения, входящее в моду художественное оформление веселых заведений города и предметов народного ремесла сценами из «Тычки», перевод и звучание легенд на удмуртском, молдавском и азербайджанском языках.

Вот и строгий Виктор Астафьев в своем «Зрячем посохе» не удержался поставить автора «Гычки» рядом с самим автором «Левши». Известно мнение о творчестве Ивана Панькина таких признанных авториретов, как Е. Носов, Б. Можасв. Все так. Многолетний труд писателя, выдержавший на сегодня двадцать четыре издания, похоже, нашел свое место в постоянно востребуемом ряду современной литературы.

Писатель должен быть счастлив. Но что же лишает покоя и рвет душу? Заказанная московским издательством книга о «неизвестной» войне, обреченным участником которой был с первого ее наката? Память о неуходящем прошлом, тревога за будущее? Что же? Да и знает ли ответы на все это сам Панькин? Сейчас, когда надвинувшаяся тень всеобщего безумия и остракизм осознания прошлого, настоящего и будущего грозит непредвиденным всему привычному и сущему, ценностям, ориентирам, идеалам. Так хочется сказать, что знает или догадывается. По крайней мере, предвидит, предощущает. Чтобы выстоять, выжить, природа защищается до последнего каждой своей малостью.

...Он осознал ненужность самого себя, своего существования неожиданно и сразу — со смертью матери. Выпавший из жизни птенец оказался никому

не нужным. Ни первая, ни вторая мачеха не заменили ему матери.

От веку, с язычества, маленьким эрзя плакать на людях не позволялось. Он уходил подальше от дома, к полотну железной дороги, ложился на землю и давал волю своим чувствам. Сквозь заросли придорожья глядел на громяхающие мимо поезда, вдыхал запах низом стелющегося паровозного дыма, думал о далеком среднеазиатском городе, где жила зовущая его к себе родня. И однажды, в кровь разбивая колени о железное брюхо вагона, вцепится он в поручни подножки и уедет, чтобы никогда не вернуться.

Верилось: хуже не будет. Предстоящее оказалось куда хуже. Началось с того, что поехал в сторону, обратную цели. Скитания, поездные странствия привели его в конце концов в столицу. Одна из бродячих цирковых трупп ненадолго приютила мальчонку. Убежал. Продолжал бродяжничать. Какое-то время снова работал в цирке. Затем попал в торговый флот. До самой войны юнгой, потом матросом плавал, не тревожась особенно за грядущее.

Война. Даже на полувековом расстоянии начало войны вызывает содрогание. Панькин — один из тех, кто пережил отчаяние и позор от разверзшейся яви. Надо было перебороть себя, подавить страх, доказать обратное тем, кто нагрянул с засученными

ми рукавами и ухмылкой, уверенным в том, что и здесь, как и в покоренной Европе, их ожидает победа. Перемолоть этот сокрушающий живой вал было недостаточно. Надо было заставить уважать себя. Панькин из тех, сумевших сделать это.

«Малой кровью, могучим ударом» разгромить, уничтожить врага, как известно, не удалось. Тяжелораненый, прикрученный бинтами к деревянной плахе, он отступает вместе с отходящими войсками. Госпитали, госпитали...

Кое-как передвигая непослушными ногами, выйдет он из последнего своего госпиталя и рухнет на землю. Никого, кроме нее, у него не было. Судьба забросит его на юг лечить отнимающиеся ноги, потом — в Сибирь. Здесь совершенно неожиданно обнаружит себя, проклянется в нем родничок его дара. Гоголевские «Мертвые души», захватившие его при чтении, подтолкнули его под руку. Он удивится самому себе, написав нечто вроде их продолжения, новой главы к великой поэме, чем озадачит руководителя Новосибирского литературного объединения. Николаю Николаевичу Яновскому, сибирскому писателю, принадлежит честь «открытия» Панькина. Он первым разглядит в нем писателя. Поставил же Панькина на сказовую стезю уже в Литературном институте известный фольклорист профессор Сидельников. Добром поминает Иван

Панькин и много сделавшего для него на Высших литературных курсах писателя Бориса Бедного.

Но больше, пожалуй, тех, с кем учился, общался в то время. С ними Ивану Федоровичу Панькину повезло по-настоящему. То были нынешние властители дум, молодые еще В. А. Астафьев, Е. Носов, Б. Можаяев, С. Викулов, А. Знаменский. Среди них, входивших в силу, так легко было затеряться! Писать о войне? Отнюдь! Тогда хотелось забыть о ней, выбросить совсем из памяти. Поиски себя были мучительными. Но кому на роду написано утонуть, тот под колеса не попадет. Панькину было суждено приехать в Тулу, город оружейников, чтобы встретиться со своим главным литературным героем, языкатым мастером Тычкой, чей художественный образ так приглянется читателям.

К счастливой встрече автор шел через «Сказки Таласской долины», «Матросские сказки», «Цирковые рассказы», «Легенды о матерях», даже «Приключения братьев Тик-Так», пьесу о судьбе рабочего, написанную совместно с П. Борисковым, и многое другое, второстепенное, побочное, случайное.

Творчество есть самопознание — банальная, но верная мысль. Ничего не рождается на пустом месте, а «хлеб,— как говаривал тот же мастер Тычка,— всегда начинают есть с корки». «Легенды о мастере

Тычке» сделали автору имя. Может, он и останется автором одной книги. Но разве этого мало? Остаться самим собой в литературе, где «отметились» Пушкин, Толстой, Бунин?

...Панькин много наработался и настрадался в жизни. Побывал в колонии, в психушке. Не потому ли легко откликается на призывы о помощи. Радует о справедливости. Несуточный, замкнутый, он говорит редко и мало, чаще с иронией в собственный адрес. Но когда говорит, его стоит послушать:

«Стимул творчества — собственное несовершенство». Детский писатель? Нет детских писателей, как и детской литературы. Есть литература для детей. В силовое поле таланта притягиваются и взрослые, и дети. Классики советской детской литературы увели ее от истории, народности, фольклора, ее истоков — сказки. Все эти Мойдодыры, Мистеры-Твистеры, Крокодилы, Незнайки принесли детям больше вреда, чем пользы. На старых писателей не надо тратить пороха похвал. Пусть перенадает больше молодым. Выразительности, краткости надо учиться у эпитафий на надгробных камнях. Пустословие на камне не выбивается.

Я много работал в издательстве, учил писать других, не умея того сам. Но, правда, уже тогда понимал, что шергинские «Сказки о Шише» — это золото высочайшей пробы.

Порок всех пороков — жадность души и тела. Культ личности? Я не пострадал от него. Для этого был слишком незначительной личностью. Даже в компартию не вступил, считая себя недостойным. Наивен был, как пуп».

В этом весь Панькин: открытый, прямой, жесткий. Вывертов, лжи во спасение не терпит. Отсюда его требовательность к себе и другим. Совсем неспроста в современном литературном потоке, среди его полуобработанных камней, так высверкнул алмазной гранью редкостный самородок из Тулы.

Панькин как сказовый писатель внес свою лепту в развитие жанра. Мастер Тычка близок не только к сказочным героям, но и к народным, он их олицетворение. Тычка в близком родстве с народной мечтой о счастье, ничего не имеющей общего с полигизированным ее идеалом. Одухотворенное, поэтическое, возвышенное отношение к труду — главное, что определяет существо и современность легенд о мастере Тычке. Их истоки в родословной тульского металла, тульских ремесел, в их неумиряющих традициях.

Как построены «Легенды о мастере Тычке»? Бессюжетная по сути вещь, без глав и разделов выглядит удивительно цельно. Легенды соединены диалогическими мостками. И вся книга — это диалоги Тычки со всеми остальными персонажами ее, густо

населившими книгу. Словесный материал книги о судьбе российского города оружейников строится короткой простой фразой. Выверена тональность и ритмика повествования. Особенности стиля и пластика изображения — это лаконичность, гибкость, динамика. Текст пересыпан каламбурами, прибаутками, пословицами, присловьями, поговорками, присказками. Потому и не утомляет, читается на одном дыхании. Кажется, что автор в своем творческом методе следовал умудренному Карамзину, говорившему: «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты». Эта «нежная простота» ритмизированной прозы легенд поистине завораживающа. Убежден, Панькин, его главный труд не оценены нами по достоинству. Мы еще не прочитали его.

К месту и ко времени порассуждать о так называемом «подражательстве» лесковскому «Левше». На чем основывается эта «кочка» зрения? На тематической, сюжетной, языковой близости? А почему, скажем возражая, не на прямом родстве? Родстве в том смысле, в каком состоят между собой Державин, Пушкин, Гоголь? Любим мы усть ближнего. Да что там ближнего! Заглянем, к примеру, в сказку братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов» и удивимся, что в нее до нас заглядывали А. Пушкин,

Л. Толстой, чему несомненное свидетельство прелестная пушкинская «Сказка о мертвой царевне» и не менее прелестная толстовская — «Три медведя».

Язык не поворачивается спросить: что это такое? Заимствование, использование, совпадение? Не будем чересчур стыдливы, но ответить на этот щепетильный вопрос однозначно, увы, нельзя. Все гораздо сложнее, чем покажется на первый взгляд. Ни самим классикам, ни нам за них не краснеть. Трансформация произведений в мировой литературе более чем естественна, как и наличие в ней многих бродячих тем, мотивов, сюжетов. И все же возьмем вменяемый автору самый серьезный компромат — языковой. Поищем истину в нем.

Лесков в сказе о тульском косом Левше и о стальной блохе для сатирической окраски исторического фона мастерски использовал лексику чиновного слога, его высокий штиль, архаическую патетику, уснащенную перековерканными иностранными словами и терминами, а также намеренное нарушение языковых норм, чем достиг исключительного эффекта.

«Приезжают в пребольшое здание — подъезд не описанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под валдахинном стоит Абалон Полведерский... Англичане сразу

стали показывать разные удивления и пояснять что к чему у них приноровлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи мантоны пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли».

Лексикон, индивидуальная фразеология героев «Левши» поразительны. Этой языковой стилизацией Лесков прячет выпирающий подтекст сказа, его обличительный смысл, стыд и боль за трагизм судьбы нации, ее безответных радетелей, зашифровывая для дураков (и не дураков!) от цензуры диагноз ее недуга. Даже Платов, этот «мужественный старик», выписанный с традиционной симпатией, выглядит в лесковском сказе звероподобнее щедринского дикого помещика.

«...А зубами так и скрипит — все ему еще нескоро показывается. Так в тогдашнее время все требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала».

Автор недвусмысленно показывает, что сия «полезность» оказывается на поверку фикцией.

«А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, коекак сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» «Баснословный» склад легенды и эпический характер главного героя... «схвачен метко и верно». Так аттестует свой сказ о Левше сам рассказчик,

не из-за, надо думать, лишь скромности, далеко не исчерпывая оценок языкового своеволия и оригинальности. Используемая Лесковым в «Левше» речевая стилизация выше всяческих похвал. Здесь он не уступает никому из русских сатирических писателей. Похвалы можно множить и множить. Но при чем здесь Панькин? Нетерпеливость права: действительно, при чем?

Языковой колорит «Тычки», речевую среду легенд отличает не менее «верно и метко» найденная тональность тульского просторечья, его отлички, особенности — краткость, легкость, прозрачность. Здесь нет, как в «Левше», необходимой в условиях цензуры отвлекающей дымовой завесы изощренных словесных узорочий. Не ради развлекательности на веселом балагурстве и озорстве, прибаутке, несерьезе — «тарабарить недосуг» — строит свои взаимоотношения с читателем рассказчик из «Тычки», некто из слободских мастеровых. И в его речи свои словообразования и выражения типа «кандидат если нужных наук», «подподушечный голос», «красно смотрительное» и подобное тому тоже порой «язвительнее самой злой брани» (Лесков).

Вывод? Левша и Тычка — одного поля ягоды. Они единого духа созидатели, мастера. Больше того, Тычка, по легендам, учитель Левши.

«У Тычки учился мужичок-чудачок с косинкой-хитринкой на левый глаз. Он и молоток держал в левой руке. На заводе его так и прозвали Левшой.

Почитайте «Левшу» и «Тычку» попеременно, по частям. Несовместимости, отторжения не произойдет. Вас охватит странное, но, впрочем, объяснимое чувство гармонии, состыковки, несмотря на разножанровость произведений. Но языковую, изобразительную сторону «Левши» и «Тычки» не спутать. Они совершенно разные. Предпочесть одну другой нельзя, невозможно, тем более усмотреть хоть косвенное, хоть какое подобие эпигонства последнего. Важнее понять, что сюжетный нерв обоих курьезных произведений — борьба добра со злом во имя «русской полезности» в ее истинном смысле. Если кроткий косой Левша, у которого «затылок о парат раскололся», гибнет в этой борьбе, то Тычка неуязвим. Он множествен.

«После Петра, какие бы цари ни садились на российский престол, каждый из них прежде всего старался Тычку запрятать в Сибирь. По триста Тычек ссылали туда, но только настоящий всегда оставался в Туле».

Тычка, как Иванушка-дурачок, выходит победителем из всех передряг и злоключений. У него своя философия и взгляд на мир. За свои униже-

ния и беды он оплачивает всем Подливаевым, Скребастым, Дергановым, Яшкам-Канашкам сторицей. Усталым, пришибленным, обреченным, как Левша, Тычку не представить. Его ипостась иная. Он светоносен и победителен. Особо, по-русски. В нем нет ни восточного лукавства «возмутителя спокойствия», ни западного авантюризма и плутовства, ни бравого швейковского идиотизма, ни какого другого пронырства, прохиндейства, проходимства. Он независим и свободен в своих помыслах и поступках. Эта особенность его характера близка и привлекательна как национальная черта русского человека, умеющего постоять за себя. Обнажению, раскрытию сюжетного замысла способствует, как правило, уготованный автором в конце каждой легенды неожиданный финал. Не могут не располагать к себе бескорыстие и прямодушие мастера Тычки, его великолепный, искрометный язык. Без стилизации и нивелировки. Тот самый язык, который и доньше звучит в городе и деревне, которым все мы еще пользуемся, не подзревая совсем, какое это богатство, оставленное нам нашими мало поминаемыми предками. Обратите внимание на емкость и плотность языковой структуры «Легенд о мастере Тычке», их ювелирную сюжетную непредсказуемость. «Много раз мастера Тычку заставляли прощаться с жизнью.

Во время второй мировой войны, когда фашисты схватили его на окраине Тулы, спросили:

- Кто ты?
- Оружейник, — ответил мастер Тычка.
- Становись тогда к стене!
- А руки? — спросил он.
- Что руки?
- Руки-то останутся живыми.
- Как живыми?
- Я их передал своим ученикам».

Учеником мастера Тычки является и рассказчик. Язык подмастерья неотличим от языка мастера, что тоже отвечает глубинному авторскому замыслу. Вопреки вроде бы самостоятельности, законченности, разноразмерности легенд их не рассыпать, не отделить. Они — одно целое, накрепко увязанное временной и сюжетной линией. Как это состоялось, за счет чего? В этом есть тайна мастера, писателя Ивана Паныкина.

«Ныне народ больно сметлив стал: и соврать не дадут. Ну что ж, ежели так, тогда будем говорить только правду». Правда в том, что щедрая, добротная, как крученое золото, языковая оснастка «Левши» и не отягощенная излишествами ритмизированной словесной ткань «Тычки», различаясь, имеют много общего, почерпнутого из неиссякаемого источника — народного языка.

Социальная сатира «Левши», как и не менее социальный юмор «Тычки» функционально обусловлены. «Мемуарная форма – вымышленного художественного произведения», как и изобразительное средство малой формы, каждое в отдельности вполне оправдали свое предназначение, ибо использовали их недюжинные таланты. И надо согласиться с Виктором Астафьевым, что «Тычка» во всех отношениях не уступает «Левше». Кроме всего, Тычка – наш современник. Но если критика, не разобравшись, много недодала Лескову, вменяя ему грехи, говоря, современным языком, идеологических метаний, реакционности, то с Панькиным дело обстоит еще непонятнее. Тираж его книг перевалил за два миллиона, но столичная, делающая литературную погоду критика его просто замалчивает, не замечает, продолжая, как водится, обслуживать по инерции одну и ту же обойму писателей. К ним Панькин не принадлежал, не принадлежит и не будет принадлежать. Потому что принадлежит к писателям от народа, он плоть от плоти его. На вдрызг зачитанном, клееном-переклееном экземпляре его книжки, присланном Панькину библиотекарем из Куйбышева еще, читаю: «Дорогой Иван Федорович! Спасибо! Вам за очень умную и интересную книгу. Она побывала более чем у 1000 читателей...» Я держал эту книжку и понимал, почему она так дорога писателю.

Эрзя и язычник по роду Иван Панькин не знает никакого языка, кроме русского. Никакой веры, кроме православной. Судьбой привитый на русскую почву он отплатил добром на добро. Комплексом малонародцев, комплексом национальной неполноценности он не страдает, не ущемлен нимало. По духу, мироощущению, языку он весь в русской культуре.

Панькин не особенный охотник ворошить ушедшее. Но был, был эпизод, когда явочным порядком побывал он однажды в местах покинутых. И оказался там чужим. Генная система не сработала. Не знаю, потеряла на этом что мордовская литература, но русская несомненно приобрела. Не говоря о тульской. Выпавший на гнезда птенец оказался странной породы. Да, природа его дарования редкая. Ее надо увидеть. Не «мелкоскопом», а восприимчивой, открытой душой. Увиденное, понятое не отпустит, захватит, как все истинное. Еще раз откроем «легенды» и вчитаемся:

«Да простит читатель, если в моей книге найдет рассказы меньше ладошки. Ну, туляки, народ занятой и зря тарабарить нам недосуг. Мы даже не позволяем себе такой роскоши, чтобы в занятое время называть друг друга длинными и величальными именами. По отчеству наши деды назывались только в престольные праздники и в воскресные

дни. Туляки всегда любили короткие имена, чтобы они свободно проходили через горло, не застревали в зубах и пролетали через цех, как пуля: «Чиж-ж! Лев-ша-а! Тычка!»

Жаль обрывать такой текст.

«Легенды о мастере Тычке» — летопись не только оружейных традиций, но и гимн наследуемому мастерству трудовой части туляков, мастеров на все руки. Обаятельный литературный герой «Легенд» Тычка — именно такой мастер на все руки, тепло-ту которых дарит всему, к чему они прикасаются, так как владеют искусством оружейника, кузнеца, слесаря, кровельщика, гравера, часовщика, резчика, каменщика, художника, ваятеля. Щедро наделяя Тычку всеми этими талантами, а главное — остроумием, веселой душой и доброй силой, писатель олицетворял в нем свой идеал. Вышло — и наш.

«Легенды о мастере Тычке» — не слепая удача, а закономерный итог осознанных, долгих творческих поисков писателя. Автор признается: «Более четверти века я изучаю нравы и быт тульских мастеров, собираю о них разные истории для моей ненасытной книги «Легенды о мастере Тычке». Именно ненасытной. От издания к изданию книга дополняется, ее герой приобретает все новые характерные черточки. Два года отделяют антологический сборник сказов о русских мастерах «Серебряная пряжа»

издательства «Современник», собравший одиннадцать широко известных писателей-сказителей, и подарочное издание легенд о «Тычке» издательства «Детская литература», 1989 г. Текст последнего издания снова претерпел изменения. Видимо, автор и сам в плену своей книги. Он не просто влюблен в этот самый демократичный жанр литературы, он проник в его суть, живет в нем, не отказывая себе в удовольствии поправить то одно, то другое из ранее найденного. До канонического текста, видно по всему, еще дело не дошло.

Сказовый жанр как нельзя лучше пришелся словотворческой манере автора, где нет места многословию, где главное, — краткость и точность. Это подкупает, обеспечивает успех у читателя, но, конечно же, не за счет лишь самого «выигрышного» жанра. Примеров обратного сколько угодно!

«Легенды о мастере Тычке» — тот счастливый случай творческой удачи, о котором мечтает каждый. Значит, судьба все-таки улыбнулась Панькину? А может, судьба здесь ни при чем? Трудно судить! В любом случае порадуемся. Мы мало знаем друг друга. Особенно писатели. Небрежно и нехотя читаем себя. Надо читать друг друга при жизни. Прочитаем же Панькина! Пристальнее взглядемся в созданное им, в его Тычку. Нашим сумрачным, перекошенным дням он так необходим! Нам всем

не хватает его жизнестойкости и здравого смысла. Его умения и трудолюбия. Россия всегда побеждала Тычками, ими держалась. И держится! Тычка — прозвище. Он не кто иной, как Иван, Иван Озорнин. Кого же напоминает он? Многих и многих. Среди тех многих и литературный герой Солженицына. Тоже Иван и тоже мастер. Лучший мастер 104-й Особлаговской бригады Иван Шухов. Иван Озорнин и Иван Денисович Шухов чем не духовные братья? Это на первый взгляд — не братья, стоит лишь присмотреться, так и вполне. По крутым ухабам и колдобинам судеб их — точно!

«Такова уж наша Русь: не успеет слезы вытереть, а уже улыбается» (Панькин).

Чем внимательнее вчитываешься в «Легенды о мастере Тычке», тем больше раскрывается их главный герой, тем больше проникаешься уважением и признательностью к их автору, тульскому писателю. Нет, не провинциальному! Сегодняшняя литературная провинция давно не оглядывается на столицу, так как сама является центром современного литературного процесса. Это ее представляют ныне Астафьев, Носов, Белов, Лихоносов, Распутин, Чичибабин, Екимов, Бородин. Истинный талант виден отовсюду. С этой мыслью следует примириться.

«У меня тоже, — признается Панькин, — есть мертворожденные книги. Многие книги умирают

раньше их автора. Особенно сейчас, когда приказать сверху нельзя. Раньше давали команду: издать! И — куда деваться — издавали. Да какими тиражами! А настоящих писателей, не лакировщиков действительности, порой и близко не подпускали. Так и шло. Не только в литературе все перепутали, но в литературе особенно. Шергин умер в нищете и безвестности, Писахова не помним, не переиздаем. Не читаем Константина Воробьева. Бажову повезло, друг у него был надежный. На похороны уральского сказочника чуть ли не весь свой военный округ поднял. И сам гроб нес. У меня тоже есть друг Жуков, но, к сожалению, не маршал».

Панькин задолго до перестройки осознал необходимость возрождения нашего духа. Осознав на себе всю ложность, гибельность разрушительных процессов «нашей бучи», он потянулся к прошлому. По пылинкам, крупинкам собирал тульскую золотую россыпь для своей самобытной отливки. Таких книг, как «Легенды о мастере Тычке» мало.

«Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце», — вырвалось о Есенине у знаменитого русского писателя. И еще у него же: «Художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него — и остро передать это людям. И в неудачах и даже на дне существования — в нищете,

в тюрьме, в болезнях ощущение устойчивой гармонии не может покинуть его».

Это все он, пророк Солженицын. На Государственную премию России 1990 года они выдвигались вместе. Творец не метал слиток таланта в Панькина. Лишь замахнулся. Панькин сделал себя сам. Как всякий мастер.

Постижение творчества писателя неотрывно от проникновения в его жизнь и судьбу. Без этого не понять, не ответить на вопрос: что же такое Панькин?

— Да брось ты! — предвижу обычное панькинское самоуничижение.

«Ты не прав, — возражу я. — Вспомни: «Кто сам себя разоружает убеждением в ничтожности им создаваемого, не должен брать пера в руки!»

Панькин замолчит и окатит меня студенкой водой насупленного гордо-страдальческого взгляда. Тогда я напомним, что он — юбиляр и обязан выслушивать интерпретации данного факта каждым поздравляющим. И юбиляр непременно улыбнется в ответ знакомой улыбкой своего все понимающего легендарного мастера, который «всего-навсего ученик Парфена Зычки, который учился у Никишки Дички, а тот у Прошки Лычки.

И все станет на свое место».

К такой подробной и детальной характеристи-

ке тульского писателя, пожалуй, мало чего можно добавить. И все же я хочу упомянуть о нескольких эпизодах, характеризующих Ивана Панькина с другой, житейской стороны.

Тульская писательская организация за свой недолгий тридцатилетний срок существования пережила много переездов в разные помещения. Я еще помню, как ходил в эту общественную организацию в старинный особнячок на улице Революции. Затем она ютилась в крохотном помещении на Красноармейском проспекте. Здесь даже нельзя было провести общее собрание писателей – так ничтожно мала была комната ответственного секретаря. Почти десять лет писатели дружно обсуждали возможность переезда в особняк на улице Каминского. Было решение властей, были деньги, но не было человека, который бы смог этот переезд организовать.

И вот такая возможность представилась: особняк на Каминского был отремонтирован и ждал писателей на постоянное место жительства. Собрали писателей. Стали обсуждать вопрос переезда.

Встал Панькин и задал грозный вопрос:

– Переезжать? Куда, на Попово болото?!

И все же новоселье в августе 1995 года состоялось. Условия размещения писателей были прекрасные: отдельные помещения, никакой арендной и прочей платы, просторный Каминный зал для

собраний и творческих встреч, литературное кафе «Парнас». Сердце неумолимого Панькина сразу смягчилось. И я уже стал замечать, как Иван Федорович спускается в подвал здания, заходит в кафе и пропускает рюмку-другую. Здесь же, в зале этого кафе, за роскошным столом, мы затем отмечали и юбилей писателя.

Вспоминается и одно отчетно-выборное собрание, на котором хотели сместить ответственного секретаря организации. Несколько писателей, преследующих свои цели, уговорили Панькина выступить. Он уже был болен, но на собрание все же пришел и выступил с пламенной речью. Помню, как он говорил: страстно, убедительно, образно. Но большинство оратора не поддержали, а «заговорщики» и не подумали выступить. Такого предательства старый писатель не ожидал. Он обиженно махнул рукой и вышел из зала.

Вот таким он был – наш корифей писательского дела Иван Федорович Панькин. Горячий, эмоциональный и доверчивый. А, может, только такой человек и мог создать произведения, которым было суждено стать бессмертными?

